

Боль, которая не может нас убить.

В первые несколько месяцев некоторые люди еще приходили сюда время от времени.

Права представителей Бога стали слабее прав Императора за последний век. Храм не хотел упускать долгожданную возможность. Число прихожан было важно не только в политическом смысле, ведь люди делали пожертвования, а деньги были необходимы.

Хотя она не могла оставаться под защитой храма, потому что проводники божественной воли не могли противостоять давлению настойчивого Императора, с тех пор храм постоянно пытался связаться с ней.

Но внезапно священники стали покидать это место один за другим. Не приходили ни ученые, которые хотели исследовать уникальные события, ни аристократы, которые ждали случая, чтобы использовать ее в политических играх. Все они были похожи.

— Почему?

В их лицах читался один и тот же вопрос: «Почему?».

Ей давали то медные пластины с непонятными древними буквами, то священные инструменты. Никто не знал, что она умеет, но все надеялись, что сможет хоть что-то.

Они верили в неё, но, к сожалению, Даён оказалась для них бесполезна. Они не могли скрыть смущения и вскоре сдались.

Позже появлялись нечестивцы, усомнившиеся в реальности оракула.

Естественно, Даён была огорчена. Было больно осознавать, что их полные страха глаза таили в себе ожидание, и было больно видеть их растерянные лица, когда она не оправдывала их ожиданий.

В конце концов, они были разочарованы, и она сама задавалась вопросом «Почему?». Почему она вообще существует?

Суждение Императора не было более резким, чем выводы храмовников и знати. Он не приходил к ней с того дня, как получил ее аудиенцию.

Император Альтия был надежным человеком, не шатался бесцельно, и во дворце все были чрезвычайно заняты: началось восстановление страны после войны с сарманами. Император погряз в бюрократии.

Даён не трудно было понять, что она оказалась в одной из ситуаций, когда обрываются струны души. Она уже испытывала подобное раньше. Но, несмотря на это, досаду и смятение в незнакомой стране было трудно преодолеть.

Ей казалось, что она стала меньше через три месяца после входа в Императорский дворец.

Прошёл месяц с тех пор, как люди перестали приходить сюда. Настал солнечный свежий май в тени зеленых деревьев. Даже на этой земле весна была прекрасной и ароматной.

— Ха, — Даён притворно улыбнулась, глядя на тарелку, на которой было лишь немного травы, супа и хлеба.

Еда, которой не хватало для насыщения, стала беднее по сравнению с тем, что было вначале. Даён молча делала вид, что ничего не замечает, и теперь это казалось естественным.

Было ясно, что в ней таились злоба и недовольство, она жадно трапезничала.

Возникло отвращение и извращенные чувства, но не печаль.

Чтобы выжить, нужно было продемонстрировать таланты, которых у не было у других.

Если бы она знала, как писать корейские иероглифы, то выдала бы их за «древний алфавит с далекого континента». Каждый раз во время демонстрации способностей у нее возникало ощущение, будто она пытается продать чудодейственный элексир.

Она должна была доказать свою полезность.

В конце концов, этот мир не особенно отличался от прежнего.

Даён всегда боролась за свою жизнь.

С рождения она ни в чем не разбиралась, но всегда работала усердно. Но огромные затраты сил и скудные результаты не могли не расстраивать ее.

В мире всегда были люди, которые добивались большего, чем она, даже если она трудилась сверх собственных возможностей. Когда ей становилось слишком тяжело, ее тут же заставляли продолжать работу.

Собственно, здесь примерно то же самое. Способности местных немного лучше моих, и когда я сравниваю свою жизнь с жизнями других людей, я расстраиваюсь и разочаровываюсь.

В те дни ты притворяешься, что в тебе есть что-то особенное, делаешь вид, что что-то знаешь, что у тебя что-то хорошо получается. Ты создаешь правдоподобный кокон, но втайне чувствуешь неполноценность.

Мне продолжать так жить?

Пытаться соответствовать стандартам и привлечь их внимание?

Это быстро наскучивает и утомляет.

Даён в какой-то момент отказалась от адаптации и стала крайне вялой. Она лежала на кровати, не вылезала из нее и часто пропускала приемы пищи. Казалось, что вся ее воля и страсть были исчерпаны в том мире, в котором она жила раньше. Ее не интересовала никакая работа, и вскоре она стала депрессивной и ленивой.

А по ночам слезы бежали из ее глаз без причины.

Среди куртизанок во дворце распространился слух, что она страдает психическим заболеванием. Возможно, здесь не могли идентифицировать ее симптомы.

Менталитет и климат здесь отличались от того, к чему она привыкла в Новом Свете. Ей часто казалось, что ее разум болен. Она использовала свой элегантный словарный запас, чтобы вырваться из окружения сплетен, хотя на самом деле в ее симптомах не было ничего особенного.

Семь из десяти современных рабочих не были здоровы.

Это была обычная депрессия.

<http://tl.rulate.ru/book/47673/1163820>